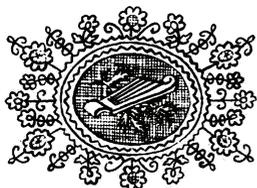

- Пропп 2005 – Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005.
ФЭС 1983 – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Хурмеваара 1972 – Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России: К истории перевода. Петрозаводск, 1972.
Эпические песни 2006 – Эпические песни Южной Карелии / Составление и перевод В. П. Мироновой. Петрозаводск, 2006.

Н. Г. Зайцева
Петрозаводск

**«Калевала» и вепсский язык:
некоторые проблемы семантики и грамматики
в контексте перевода**

Элиас Леннрот, известный фольклорист и языковед, в своих путевых заметках во время поездки по вепсской земле в 1842 г. написал: «...отсутствие письменности и официального языка ускоряет его (*вепсского народа*) гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома. Основу дома составляет *литература*, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то все же сохранит в себе его прекрасные черты» [Lönnrot 1980: 293]. Отдельные языки так и исчезли с лица земли, не оставив литератур. Причем исследователи литератур малых уральских народов отмечали, что и вепсы в отношении создания литературы практически безнадежны [см., например: Домокош 1993]. В краткий период заложения основ вепсского письменного языка, который был осуществлен в 1930-е гг., литература у вепсского народа не успела появиться. Однако после возрождения вепсской письменности в 1989 г. [см. Вепсы 2008: 115–116] начали появляться первые литературные произведения, которые все более признаются и находят своих ценителей, сторонников и исследователей [Спиридонова 2000; Mišin 2004] как среди представителей вепсского народа, так и в писательской среде. Стала возникать и переводная литература, хотя известные образцы

литературного творчества, на наш взгляд, лучше не переводить, пока не стабилизируются нормы орфографии, не будут разработаны основы литературного стиля. Образцы же фольклорных текстов – это как раз то, что возможно перевести и даже необходимо это делать для развития филологических основ младописьменного языка. Нельзя не согласиться с мнением известного карельского литературоведа Э. Г. Карху о том, что «на ранней стадии, когда собственные литературные традиции остаются еще относительно неразвитыми, большое значение для пробуждающихся народов приобретает их фольклорное наследие» [Карху 1999: 27]. Это прекрасно, когда народ создал и оставил образцы устного народного творчества, воплощенные в эпосы, баллады, легенды и т. д., которые дают возможность судить о языке в его самые лучшие времена, времена расцвета, судить о богатстве всех сторон языка, его культуре. К сожалению, устное народное наследие вепсов не столь богато, думается, что вепсы свои самые лучшие страницы жизни и взлет своей культуры стали утрачивать уже на рубеже первого и второго тысячелетий. Кроме того, тот набор устного народного творчества, сохранившийся в памяти вепсов, слабо изучен, несмотря на то что образцов вепсского фольклора (плачей, сказок, частушек, пословиц и поговорок и т. д.) опубликовано и хранится в фонотеках научных учреждений и в частных коллекциях немало. Но самой главной сокровищницей вепсского фольклора является фонотека Фонограммархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, где хранится около 400 кассет с материалами на вепском языке, которые в последние годы активно оцифровываются и переносятся на новые носители.

Явных отголосков эпических песен калевальского размера, как показывает анализ опубликованных образцов вепсской речи, обнаружить практически невозможно, что связано пока и с небольшим объемом фольклорных текстов, введенных в научный оборот. Думается, что слабое распространение подобных жанров может быть связано, прежде всего, с периферийным расположением вепсов на территории прибалтийско-финской языковой общности, куда многие инновации не доходили или доходили уже в период их затухания, проявляясь в крайне усеченном виде. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков, два тома которого уже вышли в Хельсинки в 2004 и 2007 гг. [ALFE 1, 2], как нельзя нагляднее подтверждает эту мысль.

Идея перевода подобного рода поэзии (перевод сокращенного варианта «Калевалы» на вепсский язык, осуществленный автором данной статьи, вышел в свет в 2002 г.), прежде всего, потребовала углубления в систему образов произведения, их сущность и значение. Известно, что в каждом языке и у каждого народа существуют свои табу, свои эвфемизмы. О них следует знать и непременно считаться. А. И. Мишин в своем предисловии к новому переводу «Калевалы» писал: «Большой осторожности требуют при переводе строки, в которых отражены разного рода древние поверья, магические действия... Так, древние охотники не должны были произносить название зверя, а пользовались эвфемизмами... Даже принеся добычу домой, охотники избегают слов, могущих повредить отношению охотника и зверя» [Калевала 1999: 13]. Нельзя не согласиться с А. И. Мишиным, когда он пишет, что «совершенно недопустимы в переводе такие строки, как...:

*Помоги добыть удачу,
пособи убить медведя»* (см. перевод Н. Лайне и М. Тарасова).

Более близкий к тексту оригинала следующий перевод:

*«Помоги, пошли мне счастье,
чтоб красу лесов поймал я»* (см. перевод Л. Бельского, песнь 46: 55–56).

И в вепсских строках мы пытались сохранить это табу, назвав медведя *mezikäinen* — «медовая лапа»:

*Abuta-ške neciš azjas,
mezikäinen sada minei...*

Помоги-ка в этом деле,
пособи добыть медовую лапу...

Проблема эвфемизмов исключительно серьезна в вепсском языке. Думается, что именно с этим связано, например, отсутствие вепсских лексем для именованя родителей. У изучающих вепсский язык или занимающихся им вызывает удивление, что в нем нет именованя этих понятий. Казалось бы, они основополагающие, исключительно необходимые, которые должны были бы существовать в языке. Объяснение может появиться, когда обратимся к духовной культуре вепсов, где обнаружим, что всё, что было связано с обрядом рождения у вепсов, держалось в страшной тайне. Чем меньше людей знали о родах, тем, по поверьям, легче будет роженице и новорожденному. Поэтому рожали в бане, в подполье, в хлеву и т. д., старались не говорить

об этом вслух и никому не сообщать. Главной фигурой при родах, которой все было известно, была изначально только свекровь роженицы. Эти моменты проливают свет на те метафорические замены именованных родителей, которые употребляются в вепсских (и в карельских) плачах, и делают более понятными причины их возникновения. Так, в вепсских свадебных и похоронных плачах *отца* чаще всего называют *kalliž kazvatajaižem, sötai-tatoihudem*, а также *sötai-tatuško* (т. е. «дорогой меня вырастивший и выкормивший»), а *мать*: *kalliž kandjaihudem* (т. е. «дорогая моя меня носившая или выносившая» (а не «родившая», как было переведено, например, в книге: Зайцева, Муллонен 1969: 101). У глагола *kannta*, послужившего основой для образования метафорической замены, в современном вепсском языке есть три значения: 1) носить, таскать; выносить (*kannta vezi korondou* «носить воду на коромысле»; 2) держать, выдерживать (тяжесть) (*kandab hangedme* «наст выдерживает»); 3) отелиться (*lehm kandoi* «корова отелилась»; ср. также русск. «*принести* на свет потомство»). Очевидно, лексемы *siinduda* «родиться» и *siindutada* «рожать» (ср. также *Sur' Siind* «Господь», т. е. «*Великий родитель*») и т. д. были издревле под запретом и не могли послужить основой того, чтобы из них возникли наименования родителей, как это существует, например, в русском языке: *родить* – *родители*. А впоследствии слова, связанные с рождением, были заимствованы в вепсский язык из русского (*rot'ra, roditel'ad*). И они проникли даже в вепсские плачи, которые достаточно древни по языку, тем не менее в них эти заимствования встали рядом с исконными вепскими словами, составив своеобразные пары: *kalliž kandjahudem roditel-matuška* «дорогая меня выносившая, родительница-матушка»; *kalliž kazvatajaižem, sötai tatoihudem* «дорогой меня вырастивший, кормилец-батюшка». В этом ряду замен лексемы *kazvatai, kazvatajad* «вырастивший, вырастившие» в качестве именованных родителей исключительно удачны и были избраны по рекомендации Термино-орфографической комиссии Республики Карелия, которая работает на общественных началах при Главе правительства Республики Карелия, как именованные родители в развивающемся письменном языке вепсов. Но для перевода именованных родителей в рунах «Калевалы» вепсские табуированные именованные или их семантические замены подходили как нельзя лучше:

Oi sä *kandjaihudem* armaz,
Midä jätid poigan tähte...

[Kalevala: 87]

Ой ты дорогая меня выносившая,
Что ты оставила для сына...

В целом же работ по лексике, ее разрядам, ее происхождению в вепском языке не так уж много. Лексика достаточно хорошо собрана. Она прекрасно представлена в диалектном словаре М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [1972], образцах речи, изданных в России и Финляндии. Конечно, ссылки на вепский словарный фонд имеются и в этимологических словарях финского языка, но все это касается лишь сходств языков. Но все, что является вепской инновационной лексикой, исследовано исключительно слабо. Кандидатская диссертация Н. И. Богданова, посвященная лексике вепского языка и защищенная более полувека назад (1953 г.), практически на заре появления серьезного финно-угроведения в России, лишь отчасти приоткрыла завесу в решении проблем вепского лексического фонда. Поэтому исследование вепской лексики стоит на повестке дня сегодняшнего вепсоведения; отсутствие подобного рода работ осложняет во многом и переводческую работу.

Как известно, основу метрики карело-финских эпических песен, в основном, составляет четырехстопный хорей. Это достаточно длинная восьмисложная строка, в которой, кроме того, хорей обладает еще и разными модификациями и звучит довольно разнообразно, содержа различные перетяжки и нарушения ударения в угоду музыкальному ритму; все это очень сложно соблюдать при переводе. Думается, что некоторые вепские частушки, присказки несколько напоминают по своему размеру песни калевальского размера, например:

Räiöcan vauktutte,
kegalehen mustutte.

Белый как печное чело,
черный как головешка.

Tu-tu, lu-tu, paimohudem,
miš, paimohudem, paimenzid?

Ту-ту, лу-ту, пастушок,
ты где, пастушок, пас?

Однако они не могли послужить в полной мере образцом для перевода на вепский язык эпической поэмы Э. Леннрота «Калевала», написанной на основе древних карельских и финских народных песен. Сложность перевода состояла еще и в том, что в вепском языке достаточно много коротких слов, которые возникли из-за исторических подвижек, действовавших в языке: из двусложных слов отпадали конечные гласные звуки, когда первый слог слов был

исторически долгим, закрытым или включал в себя дифтонг (например, *perť* «дом», ср. финск. *pirtti*, *vald* «власть; воля», ср. финск. *valta*, *sarv* «рог», ср. финск. *sarvi*, *koiv* «береза», ср. финск. *koivu*, *maid* «молоко», ср. финск. *maido* и т. д.; см., например: Tunkelo 1946: 761–762). Гласные звуки выпадали, кроме того, и во многих иных случаях: из многосложных слов (*madal* «низкий», ср. финск. *matala*), из слов перед звуком *h*: *perťhe* «в дом», *valdha* «во власть», *sarvhe* «в рог», *koivhu* «в березу», *maidho* «в молоко» и т. д. Вследствие этого из языка исчезли некоторые падежи или совпали по форме друг с другом (например, инессив и элатив, адессив и аблатив, а также генитив ед. числа, эссив и инструктив [Зайцева 1981]). Исчезли притяжательные суффиксы, и, думается, одна из причин их исчезновения кроется именно в действии названной закономерности, поскольку притяжательные суффиксы стояли именно в конце слов, а впоследствии отпадение было поддержано еще и русским языком, которому данная категория неизвестна. Можно утверждать, что эта закономерность в стремлении к укорочению слова действовала в отношении грамматики именного словоизменения достаточно последовательно.

Кроме того, изначальное отсутствие, а также и утрата вепским языком и иных прибалтийско-финских явлений в области фонетики, грамматики и лексики (чередование ступеней согласных, гармония гласных, многие термины родства и т. д.), приведшие к существенным изменениям структуры вепского слова и его семантики, несомненно, также сказались на практике перевода длинной калевальской строки на язык вепсов, определяя ее специфику, иной подбор лексем, диктуя употребление различного рода протетических частиц и деминутивных форм. Отметим, что последние исключительно характерны даже для обыденной вепской речи и, конечно же, для языка вепского фольклора, где их употребляется достаточно много даже в одной строфе, например:

Libed *linduižem*, säditei i sobitei kal'hiže *sobeižihe*,
kal'hiže *kengeižihe*, čomihe *sädoižihe*
jäl'gmeižen čoman da *ehtkoižen*-se ičeiz korrtas da *kodižes*-se.
Pimitad sinä minun izod da *iknaižed*-ne,
madalzoitad dubovijad *pordhaižed*-ne,
souptad sinä raiskijad da *verejeižed*-ne.

[Язык и народ 2002: 59–60]

(Досл.: Милая моя *пташечка*, нарядилась да собралась в свои дорогие *нарядики*, в дорогие *сапожечки*, в красивые *одежечки* в последний хороший да *вечерок* в своем высоком да *домике-то*).

Заслоняешь ты мои милые да *окошечки*, делаешь более низкими мои дубовые да *лесенки*, закрываешь ты райские да *воротки-то*»).

Поэтому, думается, что деминутивные формы, а также различные частицы, которые характерны для языка вепских фольклорных текстов, могли быть по праву использованы в практике перевода «Калевалы», служа удлинению вепского слова. Данный момент активно использовался при переводе. Изыскивались и другие возможности для перевода длинной калевальской строки на язык вепсов. Отметим, что этому как нельзя лучше может служить глагольная система, которая отлично сохранилась и прекрасно функционирует в вепском языке.

В этой связи отметим, что, по мнению исследователей фольклора, основная смысловая нагрузка в фольклорном тексте падает на имена существительные. Однако исследовательница языка вепских плачей О. Ю. Жукова, проанализировав их значительное количество, пришла к заключению, что в текстах вепских причитаний (свадебных и похоронных) глаголов употребляется несколько не меньше. В числовом исчислении их приблизительно столько же, сколько существительных и прилагательных (Жукова 2009: 138). Это заключение поддерживает нашу идею о чрезвычайном *глагольном характере* языка вепсов. Глагольная система не поддавалась и тому историческому стремлению вепского языка сократить слова, утратить конечные гласные. Анализ показывает, что, напротив, в глагольной системе вепского языка действовали исторические закономерности, даже удлинившие протяженность словоформы. Так, например, в словоизменительной системе глагола появились:

1) особые форманты *-koi*, *-goi*, маркирующие отрицательную форму основного глагола и тем самым удлиняющие ее, чем другие родственные языки не обладают, ограничиваясь лишь отрицательным глаголом, ср., например, финск. *emme tule*, карельск. *emmo tule*, но вепское: *em tulgoi* «мы не придем»; финск. *ette tule*, карельск. *etto tule*, но вепское: *et tulgoi* «вы не придете» и т. д. При переводе «Калевалы» вепские протяженные глагольные формы помогали продлить строку, например:

Ned *ei vajunugoi* mudha
veden vilhu süvüdehe.
[Kalevala: 11]

Они не утонули в болоте,
в его холодной глубине.

Mõ *em voigoi* sampod sada
kirjavanke katusenke.
[Kalevala: 91]

Мы не можем добыть сампо
с его пестрой крышкой.

2) В языке появилось особое возвратное спряжение, личные окончания у которого также достаточно протяженны: например, глагол *pestas* «мыться»: презенс: *em peskoiš, et peskoiš, ei peskoiš*, кондиционал *em (et, ei) peznužihe*. В «Калевале» возвратное спряжение нашло свое самое непосредственное отражение, например:

Paginmaht *ei pördnus* poigha.
[Kalevala: 69]

Возможность говорить
не возвратилась к сыну.

Reg'he *istuihe* hän tarkas,
korjan *istmel sijazihe*...
[Kalevala: 82]

Он уселся в сани тут же,
разместился на сиденье...

3) Особые формы кондиционала имперфекта с показателем *-nuži*. Его отрицательные формы достаточно протяженны в слоговом исчислении — *em teh-nuižigoi, et teh-nuižigoi, ei teh-nuižigoi*), которые также отражены в вепскоязычных строках «Калевалы», например:

I ku *olnuiz* hengiš mamoi,
elānuizi neciš mirus...
[Kalevala: 39]

А если бы была жива моя мать,
была бы она в этом мире...

4) В языке активно употребляется начинательная форма глагола, приобретающая все более заметный футуральный оттенок, обладающая длинным суффиксом *-škande-*, *-škanzi-*: например, отрицательные формы глагола *tulda* «прийти» во мн. числе: 1 лицо — *em tule-škandegoi*, 2 лицо — *et tule-škandegoi*, 3 лицо — *ei tule-škandegoi*. Полагают, что в вепский язык суффикс проник из языка саамов [Зайцева 1988: 22–32]. Любопытно, что вепсы для заимствования опять-таки избрали этот достаточно длинный в звуковом оформлении суффикс, и никакие законы отпадения гласных в вепском языке его не сократили. Эти формы прекрасно вписались в стиль языка «Калевалы»:

– A kus kündal’ maha lanksi,
jokseškanzi jogi süvä.
[Kalevala: 36]

А где слеза упала на землю,
там начала течь глубокая река.

– A konz kägi kukkuškandeb,
tuskas südäin *südegandeb.*
[Kalevala: 37]

А где кукушка будет куковать,
там сердце станет болеть от тоски.

5) Кроме того, прекрасно сохранились формы трех инфинитивов, которые также достаточно протяженны и которые передают калевальский размер как нельзя поэтичнее и красочнее (1 инфинитив: *kacta* «смотреть»; 2 инфинитив: инструктив – *kacten*, инессив – *kactes*; 3 инфинитив: иллатив – *kactaha*, инессив – *kactas*, элатив – *kactaspäi*, абессив – *kactata* и т. д.):

Mikš om jättud koiv se täna,
čaramata pöudol sežub...
[Kalevala: 17]

Почему же здесь березка
оставлена несрубленной...

Olin merilaidad *kündmas*,
kalan tähte haudoid *tehmas*,
südäivezid *süvendamas*,
järvenvezid *ližadamas*...
[Kalevala: 25]

Я вспахал гряды моря,
сделал ямы для рыбы,
углубил внутренние воды,
прибавил озерных вод...

В связи со всем сказанным, можно сделать вывод о том, что в истории вепсского языка действовали как бы *две взаимоисключающие закономерности*:

1) стремление к сокращению отдельных словарных форм и показателей, что более всего характерно для грамматики *именного* словоизменения;

2) стремление к удлинению показателей *глагольных* форм, четкому их представительству и сохранению, а также даже наращиванию и самих показателей и глагольных форм. Язык стремился к особенному сохранению системы глагола, его показателей, стремился сделать их наглядными, четкими, формально обозначенными. Таким образом, речь вепсов исключительно глагольна, в этом ее особый колорит и выразительность. Именно глагольные формы наиболее адекватно передают языковую картину мира, которая представляется средствами вепсского языка. Эта особенность языка наиболее привлекалась при переводах «Калевалы».

Хотелось бы еще упомянуть об аллитерации, которая в текстах «Калевалы» выступает как закономерность. Ею исключительно богаты вепсские плачи, где можно найти много уже готовых словесных пар, обладающих аллитерацией: *l'bed linduine* «милая пташечка»; *viher vihmaine* «свежий дождичек», *korged koumaine* «высокая могилка», *siled sorzaine* «гладкая птичка», *vauged vaudaine* «белая волюшка», *polni polnikaizem* «дорогая подружка» и т. д. При переводе удалось открыть много и иных удачных пар, состоящих в аллитерации, например:

Minun mamoi pajat' pajoid
Värtnäd värpitaden tarkas...

Моя мама пела песни,
Старательно крутя колесико веретена...

Viilu virki minei pajoid,
vihmal vihmui pajoid maha,
tulled toiba toižid pajoid,
aldoil ajoi pajoid randha...

Холод принес мне песен,
с дождями появилось их много,
ветры надули много новых песен,
а волны прибили их к берегу...

[Kalevala: 7]

В выборе же лексики при переводе «Калевалы» не было особых затруднений, поскольку жизнь ее героев, их быт, их земледельческие работы, строительство лодки, их одежда — все это было в духе жизни древних вепсов. Причем отметим, что язык перевода «Калевалы» не является в полном смысле слова переводом на создаваемую письменную форму языка. Здесь, думается, более приемлемой была диалектная основа вепсской речи. Поэтому в переводе можно найти особенности всех диалектов, если этого требовал размер строф или их содержание.

И в заключение хотелось бы поддержать идею, высказанную В. Я. Проппом [1976: 311] о том, что народ сам никогда не создает эпоей, поскольку народная эстетика не стремится к какому-то внешнему единству: это, с одной стороны, нарушает творческую свободу, с другой стороны, лишает авторов каких-то жанров их подвижности, гибкости, ежедневных новообразований, сюжетных и лирических инноваций и т. д. Превращение отдельных песен в эпопею как бы останавливает фольклорную форму в ее развитии. И довольно часто некую канонизированную литературную форму создает какой-то один автор, как это случилось с «Калевалой». Хочется надеяться, что вырастет автор и для объединения фольклорных жанров вепсского народа в некий более монументальный и

сюжетный эпос, поскольку, как известно, многие эпосы имеют своих авторов.

Литература

Богданов 1953 – Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.

Вепсы – Вепсы. Модели этнической мобилизации. Петрозаводск, 2007.

Домокош 1993 – Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993 (перевод с венгерского).

Жукова 2009 – Жукова О. Ю. Язык вепсских обрядовых причитаний: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009.

Зайцева, Муллонен 1969 – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Зайцева, Муллонен 1972 – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Зайцева 1981 – Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке. История и функционирование форм слова. Петрозаводск, 1981.

Зайцева 1988 – Зайцева Н. Г. О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988. С. 22–32.

Зайцева 2002 – Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002.

Калевала 1985 – Калевала / Перевод Л. П. Бельского. Петрозаводск, 1985.

Калевала 1999 – Калевала / Перевод Э. С. Киуру и А. И. Мишина. Петрозаводск, 1999.

Карху 1999 – Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск, 1999.

Пропп 1976 – Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Спиридонова 2000 – Спиридонова И. А. Вепсская литература: проблемы становления // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 391–419.

Язык и народ 2002 – Язык и народ: Тексты и комментарии. СПб., 2002.

ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum, I–II // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, N 800, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, N 118. Helsinki, 2004, 2007.

Kalevala – Kalevala / Перевод на вепсский Н. Г. Зайцевой. Petroskoi, 2002.

Lönnrot 1980 – Lönnrot E. Matkat 1828–1844. Helsinki, 1980.

Mišin 2005 – Mišin A. I. Vepsäläinen kirjallisuus ammattikirjailijan silmin // Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, N 1005; Tampereen museoiden julkaisuja, N 81. Jyväskylä, 2005.

Tunkelo 1946 – Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, N 228. Helsinki, 1946.